

Вера ХАРЧЕНКО

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАЦИИ В СВЕТЕ ИДЕЙ Н. Н. СТРАХОВА

Двадцать лет назад была опубликована наша статья «Узлы коррекции ментального опыта в философии Н. Н. Страхова» [Харченко 2000:27–35], в которой ставился целый узел проблем. Это вопрос о не востребуемых идеях Н. Н. Страхова (1828–1896) и о необходимости избегания крайностей, об идее равнозначности культур и о невозможности эквифинального их развития, о слиянии деятельности и прогноза и о смысле смерти и стремлении к адекватности формы. Н. Н. Страхов вычислил типичную ошибку научного поиска — нежелание менять инструментарий, искать смысла «за тридевять земель». В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть позицию Н. Н. Страхова как еще более актуального провозвестника гносеологической культуры нации. Рассмотрим, какие мысли ученого сопрягаются с современной философией жизни, прочертив связи между десятью идеями ученого и особенностями современной жизни — жизни третьего десятилетия XXI века, почерпнутыми из самых различных источников.

1. О необходимости избегания крайностей

Обратимся к текстам: Страхов призывал избегать крайностей через создание философии, равно смыслообеспечивающей и толерантной, терпимой к жизни. *«Жизнь, как оказывается, совсем не то, что мысль. Она заключает в себе что-то крепкое, тяжелое, глубокое, нечто более едкое и жгучее, чем бесплотные и тихие движения нашей мысли. Жизнь не дает собой распорядиться, и в этом случае она права, потому что сила на ее стороне»* [Страхов 1861–1865:100]. В книге «Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений» Жан Франсуа Ришар пишет о системе селекции интенций, о необходимости *«удерживать в памяти под цели более высокого уровня, чем тот, на который осуществляется выполнение»* [Ришар 1998]. Н. Н. Страхов ищет взгляда на мир, *«который позволил бы нам жить на нашей прекрасной планете, не слишком торопясь к геологическому перевороту и не слишком убиваясь о заблуждениях человечества»*, который *«давал бы надлежащую меру и нашей вражде и нашей печали, давал бы хотя некоторый смысл той кутерьме, которую мы видим вокруг себя»* [Страхов

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

1861:5]. Перед нами — попытка разработать такую философию, такой взгляд на мир, который позволял бы избегать крайностей, ограничивал масштаб вражды и печали. Наблюдается ли сейчас отказ от столь резкой философии жизни? Выделим некоторые типичные особенности нашей жизни.

Менталитет русского человека. Все или ничего, черное или белое — мы привыкли мыслить крайностями. Эта особенность известна издавна, на нее указывали философы и психологи, социологи и литературоведы, в частности Ю. М. Лотман, но сейчас она стала проявляться в еще большей степени. Продemonстрируем это следующим образом. В настоящее время явный приоритет отдается развитию одаренных детей. В связи с этим представляет интерес наблюдение А. Максимова: «А вот, например, в Финляндии до шестого класса нет оценок вовсе! Первый стандартный, то есть одинаковый для всех тест, который позволяет сравнивать знания разных учеников, делается, когда детям исполняется... 16 лет! И знаете, что произошло? Согласно недавнему исследованию, проведенному Организацией экономического сотрудничества и развития, разница между сильными и отстающими учениками в Финляндии самая маленькая в мире. И еще. По индексу счастья (он оценивается по десятибалльной системе) Финляндия занимает одно из первых мест в мире: 9,6» [Максимов 2017:101].

Не предупреждает ли гений Страхова о гносеологической осторожности, в частности при элитарном планировании образования?

Скандализация общества. «Только в Новом времени произведения искусства стали способны „скандализовать“ общество — как импрессионизм в конце XIX или абстракционизм в начале XX в. Новации в искусстве, не связанные напрямую с техническим прогрессом, не имели столь глубоких последствий для жизни общества, как научные и технические прорывы. Но есть шкала, в которой искусство стоит выше, чем наука», — читаем у Людмилы Улицкой в «Священном мусоре». Скандализация связана с пристрастием к негативам. Мы критикуем телевидение, но сами смотрим наиболее острые передачи. «У нас это какая-то национальная болезнь — распри. Мы не можем жить дружно, мы не можем делать общее дело, а если делаем, то обязательно с какими-то скандалами, подозрениями и т. д.», — писал В. Распутин (Новая газета, 2010, 3 ноября). Скандализация общества парадоксально соотносится с такой болезнью, как номофобия.

Номофобия. «Хотя такая болезнь пока не занесена в медицинские справочники и учебники, специалисты говорят о ней уже несколько лет. Это подсознательный страх остаться без мобильного телефона или — шире — вне зоны доступа к станциям сотовой системы. Новый термин возник еще в 2010 году из английских слов *nomobile-phonophobia* — боязнь отсутствия мобильного телефона» (Наука и жизнь. 2019. № 2. С. 64). Каждый из нас тревожится, если в руках нет гаджета, ставшего для нас уже привычным и необходимым.

Н. Н. Страхов писал: «Пока есть задача, которая не решена, пока есть замысел, который не исполнен, пока есть цель, которая не достигнута, — до тех пор возможна деятельность. И, следовательно, муки души побуждают нас вперед, к неразгаданному, к несовершенному. Они суть муки рождения. То новое, что приходит в мир, — таинственное будущее, которое наступает, — оно приходит не помимо нас; мы сами его рожаем» [Страхов 1872:175]. То есть здесь напрямую идет речь о деятельности как защите от давления новых сил, добавим: от привычного давления менталитета, скандализации, номофобии.

Сразу подчеркнем: мы выбираем наиболее острые проблемы современности, но гуманитарная культура нации как раз и нацелена на недопущение таких перекосов, и учение Н. Н. Страхова предупреждает об этом.

2. О слиянии деятельности и прогноза

Второй урок коррекции ментального опыта вытекает из первого урока едва ли не парадоксальным образом. *«Если только душа вынесет что-нибудь, то она выходит из-под гнета с новыми силами, с новыми приобретениями. Что бы ни действовало на человека, организм идет вперед, и все приносит ему пользу, из всего слагается душа человека. Такова сила человеческой самостоятельности»* [Страхов 1872:166]. Перед нами не пассивное прогнозирование, а слияние деятельности и прогноза, дела и будущего, мук творчества и завтрашнего дня, внутреннего оптимизма тяжелейших страданий, усилий и достижения чего-либо действительно ценного. Этот важнейший урок оказался вывернутым наизнанку. И мы сталкиваемся с такими особенностями нашего мышления и культуры, как ситуации повышенной неопределенности, прекарный образ жизни, ослаблением социальных связей между людьми.

Ситуация повышенной неопределенности. «...Каждый человек должен в течение определенного времени быть предоставлен самому себе и находиться вне возбужденной толпы. Это время необходимо ему, чтобы подумать, обработать информацию, отключиться, перезарядиться и не обращать внимания ни на кого (не нести ответственности ни за кого), кроме себя» [Гордон 2010:239]. В этой ситуации надо уметь, надо учиться жить. «Существует психологическая модель, которая рассматривает потребление информации как фактор борьбы с собственной тревожностью. Информация — это оборотная сторона неопределенности, а неопределенность в современной психологии — это разменная монета тревожности. Вообще потребность в эффективности собственного поведения подразумевает потребность в информации» [Спиридонов 2014:34].

Прекарный образ жизни — отсутствие гарантий или очень слабые гарантии. «Мы живем в мире, где большинство работ является работой к случаю». Например, так организованы самые интересные и современные явления в культуре. «Что такое бьеннале? Куратор набирает со всего света художников, делает выставку в одном пространстве, а затем все разбегаются, ничего не происходит» [Иванов 2018].

Ослабление социальных связей, социального ума при сверхинтенсивных, казалось бы, интернет-нагрузках. Гаджет в руках ребенка теперь заменяет ему общение. Навыки приспособления к другому, защиты, «самостоянья» ослабевают, почти утрачиваются. Вот что пишут в семейных родословных: «В наш век суеты и постоянной дружбы с телевизором и компьютером мы постепенно теряем родственные связи, телевизор нам заменяет вечернее общение. В наших многоэтажках мы можем даже не знать, кто живет с нами на площадке, нам это становится не важно. Обилие информации вокруг нас сводит к минимуму общение даже между родственниками» (И. П.).

3. О стремлении к адекватности формы

Строго говоря, речь идет о форме научного исследования. Философ спорит с теми, кто считает, что форма ничего не значит, главное — содержание. *«Легко убедиться, что обыкновенный взгляд на форму мешает нам познавать вещи. Форма есть именно то, что всего доступнее для нас, что мы понимаем и познаем всего яснее. Содержание же всегда есть нечто скрытое и малодоступное. Следовательно, если мы не поймем, что такое форма, не заметим ее смысла и будем отбрасывать форму за форму как пустую шелуху, то сущность предмета будет казаться нам все темнее и неуловимее, и мы не дойдем ни до какого ясного познания»* [Страхов 1872:135]. Если форма столь важна, если от изучения формы во многом зависит успех изучения содержания, то, следовательно, старая метафизика может не работать. В современном науковедении такое

явление называют давлением научных парадигм. «В таком случае приходится бросить ее старую метафизику и внести в нее новую, которая бы не стесняла ее движения и открывала ей новые пути и задачи. Так это и делается, причем обыкновенно старая метафизика бывает упорно защищаема привычными к ней учеными, а новая долгое время принимается за смелую гипотезу» [Страхов: 518–520].

В современном мире мы сталкиваемся с такими особенностями жизни и мысли, касающимися неадекватности формы, как прокрастинация и усиливающаяся компьютеризация общества.

Прокрастинация, то есть откладывание неприятных дел «на потом», неделание их, что сказывается на состоянии общества в целом. Подробнее о проблеме прокрастинации можно прочесть в статье Григория Тарасевича [Тарасевич 2014:21–28]. Обратимся опять к семейным родословным. О какой прокрастинации могла идти речь, когда... «Всю жизнь моя бабуся хочет спать. Потому что жизнь в деревне нельзя назвать легкой. Бабушка вставала в три часа ночи и шла на ферму. Приходила домой в 10 часов вечера. У самой бабушки тоже четверо деток, и все они ждут ее дома, и каждому надо угодить, потому что все разные. А в три опять на работу» (О. Ш.). «Уже в двенадцать лет он устроился на работу, поскольку нужно было помогать маме, кормить младших брата и сестренку. Работать приходилось по вечерам, разгружать машины, подметать улицы, а днем он учился в школе и присматривал за малышами, пока мама работала» (Р. Г.). Нет-нет, мы не призываем возвращаться в прошлое, да это и невозможно, но синонимом культуры является слово «гармония», так что самое интенсивное развитие современности всенепременно должно включать в себя и некоторую пластику учебы, в том числе учебы у своего прошлого.

Усиливающаяся компьютеризация общества. Количество операций, которые выполняются на компьютере (гаджете, смартфоне), зашкаливает. Человек поневоле теряет свою идентичность, иногда вплоть до болезненных проявлений. Компьютер как пространство, компьютер как инструмент, компьютер как образ жизни, фрагментация Интернета — все эти новые явления требуют осмысления и воздействия. Не будем забывать, что компьютер — это прежде всего инструмент, и за рубежами нашей страны никто не планирует снабжать нас новыми, перспективными открытиями.

4. О нежелании менять инструментарий

В смене метафизик (парадигм науки) еще не весь урок Н. Н. Страхова. Сравнивая науку с медицинской практикой, философ пишет, что как 5–6 лекарств составляют главный арсенал употребляемых средств и когда они сменяются другими, то опять не более как пятью или шестью, так и в умственной деятельности «мы обыкновенно обходимся только немногими категориями, которые без конца прикидываем ко всему, о чем думаем. От этого происходит, что целые области знания становятся нам недоступными в своем истинном смысле, а если мы станем их обрабатывать, получают совершенно искаженный вид, лишаются своего настоящего содержания» [Страхов 1904]. Поразительно: Страхов вычислил самую типичную ошибку любого научного поиска. Дело даже не в том, что здесь же зафиксирован объем оперативной памяти человека (7+/-2), дело в том, что мы склонны одними и теми же инструментами (категориями, понятиями, объяснениями) препарировать принципиально различные вещи. Может быть, поэтому и ратовал Н. Н. Страхов за «перегородки», и хотел бы, чтобы обвинение Н. П. Вагнера о перегородочной философии навсегда осталось за его философией.

Н. Н. Страхов твердо указывал задачи науки, четко очерчивал границы наук. «В наше время, столь гордое своими успехами в науках и нравственности, доверчивые люди преспокойно набивают себя всяческими обрывками слов и мыслей, носящихся вокруг них; этот

хаос удовлетворяет их, насыщает, заглушает в них потребность ясного и точного понимания. Вот почему никогда не было такого распространенного невежества, таких разнообразных заблуждений, такого падения умственного уровня, такого беспрерывного кружения на одном месте, как в наше время. Против этого зла существует одно средство: постараться мыслить строго, отчетливо, то есть будем строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может» («О вечных истинах»).

Не в наш ли адрес звучит: «В наше время, столь гордое своими успехами...»? Что за универсальное наблюдение, в XIX веке предсказавшее то, что будет актуально и для XX века, и для первой трети века XXI? Нежелание менять инструментарий наталкивает нас на такие проблемы современности, как перепроизводство интеллигенции, трудность воплощения идей, недостатки в воспитании будущих мужчин.

Перепроизводство интеллигенции. Лет тридцать тому назад проскочила реплика Бориса Кагарлицкого о перепроизводстве интеллигенции. Люди, как правило, занимают положение ниже того, которое могут занимать по своему развитию, а это серьезная проблема, и языковая тоже. Но, может быть, это еще одна особенность нынешнего времени, с которой надо учиться жить? «Боюсь показаться педантом, но надо быть отдельным даже в эйфории любви. Не значит осторожничать, скрывать, рассчитывать. Чувство отдельности близко к чувству достоинства. Изливать душу — напротив, свойство человека слабого, ищущего опоры в другом. Ничего циничного я не сказал. Опоры в другом нет и никогда не будет. Ты можешь оказаться опорой для другого. Потому что ты сильный. Если ты сильный. И если выдержишь» [Крышук 2015:259].

Трудность воплощения идей. Приведем слова академика Александра Берлина: «Идей много, но воплотить их становится все менее возможно. Раньше, в советское время, когда была своя промышленность, мы внедряли многое из того, что придумывали... Сегодня у нас почти нет своей промышленности. Все заводы купленные, на них нельзя просто прийти. Это частная территория. С нами никто не станет разговаривать. Там в принципе нельзя ставить новый реактор. Вам продали готовый продукт. Кто отвечать будет, если что-то пойдет не так? А раньше директор отвечал. Он решил — он и несет ответственность. Не всегда это было безопасно, но тем не менее это было возможно. И это работало. А теперь нет» [Берлин 2019:32].

Недостатки в воспитании будущих мужчин. «У отца было свое объяснение того, как, каким макаром и до деревни докатилась мода в семьях командовать бабам. Он считал, что произошло это от смертельной усталости мужиков, воротившихся с фронта и свалившихся без задних ног подле своих баб» — это, может быть, несколько резкий, но весьма красноречивый отрывок из романа В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» [Распутин 2009:32]. «С мальчиками же вышла полная катастрофа: навыки мужского воспитания, чрезвычайно трудоемкие, требующие не доведенного до совершенства блефа, а ответственных жестов, не слишком изменившихся со времен архаических ассоциаций, — эти навыки уже и были восприняты в крайне неразборчивой распечатке. ...Процессы, контролируемые матерью или „обществом“ (труд любви, образование, нарциссизм), худо-бедно, но все же работают, а вот участок мужского воспитания полностью обесточен. В результате „выпускаемые в жизнь“ мальчики несут в себе эту изначально заложенную недоработку, глубокий экзистенциальный дефицит достоверности бытия мужчиной» [Секацкий 2005:205–206]. Напрямую это не всегда говорится, но это становится все острее в современной жизни.

Опять оговоримся: мы касаемся сейчас самых разных сторон жизни и мышления, и многие особенности имеют положительный эффект при не всегда заметном отрицательном их влиянии, но философия Н. Н. Страхова как раз и нацелена на упрочение нашей гносеологической культуры, на недопущение подобных бед.

5. О стремлении искать смысла «за тридевять земель»

«...Мы не понимаем самых ясных вещей, совершающихся прямо перед нашими глазами, потому что смысла их ищем за тридевять земель» [Страхов 1872:136]. Естественно, в своем разборе мы останавливаемся на отдельных, некоторых моментах философии Страхова, однако и эти моменты носят системообразующий, системоотворческий характер, поскольку являются узловыми, ключевыми, определяющими параметрами дальнейшего движения мысли. Мудрость философа Н. Н. Страхова в универсализме его советов, столь актуальных прежде всего для русского национального самосознания. Горький диагноз искать смысла «за тридевять земель» привел к тому, что и сам автор диагноза Н. Н. Страхов не был воспринят, понят, представлен перед духовными очами нации как философ.

В книге «Научная мысль как планетное явление» В. И. Вернадский с горечью констатировал: «Странным образом методика научной работы, имеющая большую литературу и руководства величайшего разнообразия, совершенно не охвачена философским анализом» [Вернадский 1991:146]. Как видим, традиция пренебрежения к национальным интеллектуальным сокровищам спокойно переключалась и в следующие века. В XXI веке эта характеристика философии жизни стала еще более зрелой. Проявляется это в современной жизни в мобильности профессий, изменениях в структуре семьи, ослаблении смысла жизни.

Увеличивающаяся мобильность профессий. Это возможность получить второе высшее образование и сравнительная легкость перемены профессии. Если ранее это шло как исключение, то в XXI веке мобильность профессий становится едва ли не характерной приметой карьерного роста. Но при резкой смене профессии о какой творческой вершине можно мечтать?

Изменения в структуре семейных отношений. Здесь много нового и тревожно-го: рост числа разводов, отказ от совместного проживания с людьми «серебряного возраста», позиция «чайлд-фри», то есть отказ брачных пар заводить детей. Нежелание иметь третьего, четвертого, а то и второго ребенка уже не удивляет, но согласимся: отсюда проистекает все возрастающее одиночество детей на всю оставшуюся жизнь, хотя эта сторона судьбы до поры до времени скрыта от глаз. Кроме того, «происходит ломка патриархальной цивилизации, которая существовала веками и выработала свою культуру» [Басинский 2019]. Вчитаемся в семейные архивы: «Елена очень любила детей, своих родила, кажется, семерых, но потом ей врач запретил рожать больше, это было опасно для ее здоровья, и она решила усыновить и удочерить еще шестерых, она очень хотела иметь большую семью» (Д. В.).

Из-за одиночества утрата смысла жизни. Раньше на первом месте стоял страх смерти, а сейчас у многих изменился этот страх, о чем стали говорить по радио. Три года назад интеллигентная женщина, доктор наук, умирающая от рака, говорила мне с горькой улыбкой: «Я не могу понять, зачем это все». Если бы речь шла об опустившихся людях, но здесь явно другая ситуация. А вот из родословных: «Только после рождения дочери я стала понимать, в чем смысл жизни — в ненаглядном любимом создании, что появилось у нас! С моей точки зрения семья создается не только ради счастья двоих, но и для счастья их детей. Дети — реальное, осязаемое воплощение любви супругов. Любовь — это тепло, нежность, радость» (Ю. О.). «Богатством в доме были дети, а других материальных ценностей не было. Все было просто: дом и маленькое хозяйство, чтобы прокормить всех домочадцев» (Е. Г.).

6. О смысле смерти

Читая Н. Н. Страхова, мы не можем не делать проекций на теорию пассионарных вспышек Л. Н. Гумилева. Сочетать тонкость, точность, объемность прогнозирования будущего с пассионарностью, с энергией творческого «я» — значит превращать созерцательную философию в философию деятельностьную. С таким пониманием ценности человеческих усилий связан вопрос о смысле смерти. В статье «Русская философия смерти» К. Г. Исупов пишет: «Русская традиция знает абсолютную посюстороннюю альтернативу смерти; история ее философского осмысления практически не изведена. ...Русские интуиции смерти и опыт ее переживания в родной словесности и искусстве почти не изучены. Настоятельной современной потребностью, отвечающей духовной конъюнктуре дня, является собрание и издание памятников отечественного размышления над смертью» [Исупов 1994:46,48].

Н. Н. Страхов один из немногих русских философов, кто действительно попытался осмыслить смерть, создать собственную теорию танатологии, как называют науку о смерти: «Смерть, — считал он, — это финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособляется и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни» [Страхов 1872: 124]. Далее Страхов пишет, что если бы опера была только совокупностью звуков, то она могла бы продолжаться без конца; если бы поэма была только набором слов, то она также не могла бы иметь никакого естественного предела. Но смысл оперы и поэмы, их существенное содержание требуют финала и заключения.

Нейрофизиологи установили, что в человеке позднее всего умирает мозг, а вот что писал об этом же Н. Н. Страхов: «Но ум сам себе светит, и потому бережет свой свет так старательно и так долго, как никакая другая сила организма». Старика, бывает, неприятны, но из-за грубого осадка долгой жизни, — отмечает Страхов, — ум же остается светлым и сильным до глубокой старости, почти до последних ее минут. «Вообще смерть замечательна своею быстротою; она быстро низводит организм от состояния деятельности и силы к простому гниению. Как медленно растет и развивается человек! И как быстро по большей части он исчезает! Причина этой скорости заключается именно в высокой организации человека, в самом превосходстве его развития. Высокий организм не терпит никакого значительного нарушения своих отправлений, тогда как низшие организмы не уничтожаются при самых сильных повреждениях, ранениях. Есть животные, которых можно резать на части — и каждая часть останется живою. Высокое и стройное развитие не терпит понижения; поэтому понижение обнаруживается как трагический удар, разрушающий все здание организма. С этой точки зрения смерть есть великое благо. Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь, что можем стать вполне человеком; смерть же не дает нам пережить себя» [Страхов 1872:134].

Мы вынуждены прибегнуть к столь пространному цитированию, поскольку здесь в четкой и выразительной форме передан весь катарсис мыслей о смерти. Можно ли заявлять после этого, что в русской традиции философское осмысление смерти отсутствует? Понимание смысла смерти, предложенное Н. Н. Страховым, созвучно православному мировосприятию. Будучи глубоко религиозным человеком, Н. Н. Страхов подошел к данной проблеме прежде всего как философ, подчеркнувший очерченность, рамочность индивидуального бытия («Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь...»). Эти мысли философа хорошо соотносят-

ся с ситуациями сегодняшнего дня, с такими особенностями мировосприятия, как редукция авторизации и цифровой номадизм.

Редукция авторизации. Какую опасность несет в себе все расширяющаяся редукция авторизации? «Иными словами, упадок полномасштабного бытия от первого лица, уход от ответственности политических решений на всех уровнях, девальвация гражданской позиции, которая теперь преимущественно в том, чтобы найти самое безобидное мнение и гордо заявить: на том стою и не могу иначе» [Секацкий 2015:164]. Автор пишет о Швейцарии, но и к России это имеет самое непосредственное отношение. Бытие как авторствование. Вопрос об отдельности непросто. «Мы сейчас все хотим, чтобы у каждого была отдельная квартира. А что дальше, неважно для российского человека» [Гранин 2008]. Научиться быть одному достаточно сложно. «Его путь, — пишет о Борисе Пастернаке Дмитрий Быков, — от интеллигентности к аристократизму, от экзальтации — к лаконизму» [Быков 2011]. Авторизация требует действий, а их почти нет?

Цифровой номадизм — разбухание номадических потоков, когда возникает конфликт между глобальными номадами и привязанностями к определенной территории. «...Самое частное больше не является полностью личным, национальным, прочно связанным с определенной территорией и народом, с их культурой» [Арпентьева 2018:193].

Мы опять задумываемся об актуальности идей Н. Н. Страбова, идей, касающихся рокового вопроса о смерти и ее значении в жизни человека.

7. Об идее освобождения от подражательства

Урок философии Страбова — презумпция значимости, ценности любой культуры (не только чужой, но и своей!), невозможность эквивалентного развития наций и культур, внутреннее естественное движение культуры страны, освободившейся от поверхностного подражательства. Итак, узел коррекции ментального опыта, по философии Н. Н. Страбова, заключается в необходимости постоянного совершенствования мысли, в своевременном подчинении идей наиболее гибким, высоким идеям жизнеустройства, смыслотворчества.

С необходимостью постоянной коррекции мыслетворчества связана провозглашаемая Страховым вслед за Н. Я. Данилевским идея равнозначности культур. Метафору «концерт наций», «концерт культур» употребили в XX веке, но ратовали за идею равной значимости культур еще в веке XIX. «Как только мы признаем, что существуют и всегда существовали разнородные культуры, то мы поймем, — писал Страхов, — что никакая особая культура не может быть высшей целью человеческой деятельности» [Страхов: 100]. В 1993 году социолог из Гарварда Сэмюэл Хантингтон заявлял: «Запад, по существу, использует международные организации, военную силу и экономические ресурсы для того, чтобы руководить миром так, чтобы сохранить западное превосходство, защитить западные интересы и распространять западные политические и экономические ценности... Западные идеи индивидуализма, либерализма, конституционализма, прав человека, равенства, свободы, законопорядка, демократии, свободных рынков, разделения церкви и государства вызывают только слабый отклик в исламских, конфуцианских... буддийских или православных культурах» (Foreign Affairs, 1993, October. P. 40.). Глубину отношения к иной культуре Страхов продемонстрировал в своей статье о Польше («Роковой вопрос»). «России, — пишет Страхов, — надо понять уровень цивилизации Польши, которая не независима от варварской России, а полякам смирить гордыню этим уровнем».

Отсутствие трехпоколенной семьи. «Каждая семья должна жить отдельно» — под этим лозунгом, казалось бы, защищается отдельная семья, однако этими словами нарушается ценность семьи как рода. Счастливый человек должен видеть и тех, кто дал ему жизнь, и тех, кому он дал жизнь. В привычной сейчас, «двухпоколенной» семье на порядок возрастают трудности воспитания детей. На долю как отца, так и матери приходится значительное число ежедневных, причем неотменяемых дел и забот. Трехпоколенная семья — это семья, защищающая молодых отца и мать от подражательства другим семьям, поскольку такая семья представляет собой единый организм, равно обеспечивающий бытие следующим поколениям.

Обратимся к родословным. «А в деревнях спрашивали проще: не „Кто ты?“, а „Чьих ты?“. И сыну воздавалась честь по родителям» (В. К.). «Его детям всегда было интересно узнать, как он воевал, где воевал. Но дедушка, да и они сами, всегда был занят. То на работе, а дома он не сидел без дела. А когда дедушка вышел на пенсию, дети были заняты. Дедушка не рассказывал своим детям военные истории, по большей части он рассказывал эти истории внукам и племянникам. У дедушки осталось шесть детей, девять внуков и десять правнуков» (М. С.). «Народная мудрость гласит: „Друзей мы выбираем, родственники же нам достаются“. Семья веками начиналась как большая ценность. В современном обществе семейные связи становятся менее прочными. Даже дедушки и бабушки часто живут отдельно от внуков» (Э. М.).

Вербальное образование. Постепенно, конечно же, меняется характер работы: она становится «вербальной», это не отражено в родословных, но становится все более острым с каждым последующим десятилетием. «Проблема в том, что растет „вербальное поколение“ людей, которые смогут работать только языком, а не руками. А так как руки, как известно, связаны с головой, то и головы у них будут не вполне полноценные. Так мы потеряли все преимущества нашей технической культуры, накопленные предыдущими поколениями» [Красносельский 2014:101]. «А откуда берутся деревянные руки?! А оттуда! Из детства. Из детства, в котором ты уже не вышивал крестиком, не лепил из пластилина, не играл на пианино...» [Соломатина 2016:204]. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью учебы у своего же прошлого. В известном пушкинском лицее трижды в неделю после обеда в течение часа проводился предмет... чистописание: на немецком языке, французском и русском. Тренировался мозг, память (лицеисты переписывали афоризмы древних людей), но тренировалась и рука. Не здесь ли скрывается пластика учебы?

8. О невозможности эквивалентного развития культур

Недооценка запретов и «перегородок» Н. Н. Страхова связана еще с одним обстоятельством. Сравнивая физиков и философов, В. В. Налимов пишет: «Языковая замкнутость мысли различным образом проявляет себя в разных текстах. В физике языковые поля необычайно широки — в них находят себе место основополагающие высказывания многих крупных ученых. Так, например, в квантовой механике, обладающей своими четко выраженными языковыми средствами, мы находим много породивших ее выдающихся фигур. Иначе все обстоит в философии. Здесь, как правило, каждое языковое поле замыкается на одного создавшего его мыслителя — все существенное для этого поля выговаривается им, дальше можно говорить только о степени влияния этого поля» [Налимов 1989:16]. Спорная мысль, однако. В философии тоже есть авторы, которые провозглашают осторожное обращение с другими «системами», другими культурами.

Позднее взросление, молодость, продолжающаяся до 35 лет. Судя по родословным, раньше дети быстро выросли, принимали на себя заботы о близких, рано

заводили семьи, взращивали своих детей. В конце XX — начале XXI века эта схема стала утрачиваться. Молодость продлилась до 35 лет, что было связано и со вторым высшим образованием, и с обеспеченностью родителей, да и само желание подольше оставаться «маленьким» того стоило. Наука со своей стороны существенно повлияла на этот сдвиг: до сих пор гранты и премии даются прежде всего молодым претендентам. А как жилось раньше? «Немного истории: родители встретились, когда им было по 17 лет. Отец сам родом с Чукотки, в предках у него был местный народ — ительмены. Это и сейчас отражается в редкой растительности на лице. Мама отца работала учителем начальных классов, а его папа всю жизнь посвятил ветеринарии» (А. Т.). «Так как они жили в одном селе, то они знали друг друга с самого детства. Поженились они в 1916 году, когда Александре было 16 лет, а Ефиму 18 лет» (Ю. Б.).

Этническая этика. «Как ни странно, в нашей многоплеменной державе практически не разработана такая важная дисциплина, как этническая этика, а ведь ее азы, наряду с религиозными основами, надо преподавать в школе и в расширенном формате в среднеспециальных и, конечно, высших учебных заведениях» [Поляков 2018: 211]. Действительно, у нас нет дисциплины этнической этики, а она нужна в свете последних событий особенно. Термина этого раньше не было, но этническая этика существовала. «Каждая семья — это своего рода государство, в котором есть свои законы и правила, передающиеся из поколения в поколение практически на генетическом уровне. Но самые главные принципы существования нашей семьи были и остаются любовь, дружба и взаимопомощь, благодаря чему мы все время вместе. Даже находясь далеко друг от друга, мы чувствуем поддержку и знаем, что в этом жестоком мире каждый из нас не один» (А. О.).

9. Отношение к конкретному человеку

Гносеологическая культура нации во многом зиждется на отношении к конкретному человеку. В своих рассуждениях Н. Н. Страхов отталкивается от известной сентенции: «Нет великого человека, который был бы великим для своего лакея». Замечание это неблагоприятно вовсе не для великих людей, как многие думают, но для лакеев. Лакей великого человека видит в нем только черты, которые в силах понимать, то есть черты обыкновенного или даже плохого человека. *«Но о человеке должно судить не потому, что он есть в данную минуту, а потому, чем он был и чем он может быть. Кстати заметить здесь, что взгляд, подобный лакейскому, встречается часто в суждениях о требованиях искусства. ... Человек не бывает всем самым собою каждую минуту; но есть минуты, когда он бывает тем, чем только может быть в другое время, и на такие минуты должно быть обращено все внимание художника. Иначе — его произведение будет величайшею ложью на действительность»* [Страхов 1872:160].

Настоящая философия способна корректировать поведение рядового человека, ординарной личности. Разве слова Н. Н. Страбова не подсказывают нам, как философски правильно относиться к людям, нас окружающим? И разве не вписывается такой подход в общую философскую позицию Н. Н. Страбова, разве эта мысль не образует единой системы со всем вышеизложенным?

Лиризм философии. В этом направлении сейчас получает развитие мысль о лиричности философии. «Лирическая философия заслуживает рассмотрения как особый, малоизученный род философской словесности, раскрывающий волевые акты и интенции мыслящего „я“ в процессе его самоосознания». «Философия лирична в том смысле, что постоянно говорит и мыслит о себе, о своих задачах, возможностях, границах, о том, что значит быть философом и почему мир нуждается в философии». «Таким образом, философия, как область универсального, не сводится к мышлению, но

охватывает всего человека... Если Вселенная такова, чтобы в ней мог возникнуть человек, то и сам человек таков, чтобы в нем могла раскрыться Вселенная во всем своем масштабе. Если Вселенная антропоцентрична, то человек универсоцентричен... Человек не может восходить к игровому только в мыслях и оставаться данником сиюминутного, бытового в своих чувствах и поступках, поскольку в этом случае он не был бы универсальным существом. Если мысль движется путем обобщения и восходит до самых широких, всеобъемлющих понятий, то такой же путь восхождения открыт и его чувствам и действиям, хотя философии еще только предстоит выработать адекватный язык для их понимания» [Эпштейн 2014:51–54].

10. Отношение к эмпирике

Страхов бесконечно уважал настоящее познание. «*Великая привлекательность эмпиризма состоит в том, что каждый эмпирический результат есть настоящее познание, так как предполагается, что он не заключает в себе ничего субъективного*», — пишет философ в предисловии к переводу Тэна «Об уме и познании». «*Глаз обнимает мир так же легко, как обнимает его мысль*», — подчеркивал Страхов, утверждая, что более умоподобного чувства, нежели зрение, и вообразить невозможно.

Отказ от дуальной и инверсионной логики, как сейчас бы сказали, разгадывание пути нации из особенностей самой нации, уважение к иным национальным маршрутам на первый взгляд провоцируют эдакую созерцательную неподвижность личности, но Н. Н. Страхов как раз против этого и выступает, подчеркивая, что те конкретные задачи, которые мы перед собой ставим и решаем, — это и есть будущее нации, которое мы же сами и создаем. Начинаешь понимать, почему именно этот человек, воплотивший такую систему философских взглядов, мог стать желанным собеседником, более того, авторитетным советчиком для таких писателей, как Толстой и Достоевский.

Внимательнейшее отношение к эмпирике и позволяло Н. Н. Страхову ранее других **оценить гениальное произведение** в русской литературе, в частности роман Л. Н. Толстого. «Какая громада и какая стройность! Тысячи лиц, тысячи сцен, всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорожденного ребенка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения, от ощущения вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления — все это есть в этой картине... „Война и мир“ произведение гениальное» [Басинский 2015:14]. Это мнение высказывалось (подчеркнем это!) задолго до общего признания романа как гениального произведения. В какие проблемы сегодняшнего дня упирается эта мысль Н. Н. Страхова? Отношение к эмпирике связано не только с оценкой художественных произведений, но и с продолжающимся игнорированием эмоциональной жизни.

Продолжающееся игнорирование эмоциональной сферы жизни, нежелание делиться эмоциями, некоторое угасание их [Иванова 2011:3–5]. Сергей Есин в дневнике 1 мая 2015 года отмечает: «Сужу даже по [Литературному] Институту, если раньше каждый второй абитуриент был поэтом, теперь их значительно, по сравнению с прозаиками, меньше?» [Есин].

Откроем семейные родословные: «В 2001 году администрация г. Белгорода организовала изумрудную свадьбу (55 лет), первую за всю историю Белгорода. Во Дворце бракосочетания на торжественную церемонию был приглашен русский хор, красивую, трогательную речь произнесла Екатерина Ивановна Миндолина — директор Дворца бракосочетания. Было много цветов, поздравлений, съемок телевидения» (Д. Ч.).

«Я всегда восхищалась отношениями бабушки и дедушки. Они всегда шутят друг с другом и заботятся друг о друге. И через год у них золотая свадьба» (А. М.). «Боюсь, я могу злоупотребить вниманием читающего, если не смогу сдержать себя в выражении чувств к этому человеку. Когда маленькие, с прозрачной кожей ручки обнимают меня за шею, а бархатная щека прижимается к моей щеке, я ловлю себя на мысли о бесконечном счастье в этот момент. Каждое, пока еще неправильно произнесенное слово, сорвавшееся с уст дочери, является для меня самыми сладкими звуками. Единственное, чего я желаю в этот момент, стать для нее настоящим, в широком смысле этого слова, отцом, любящим и справедливым, честным, мужественным и достойным» (Н. К.).

Итак, мы соотнесли идеи Н. Н. Страхова с особенностями, фактами современной жизни. Конечно, многие из этих моментов можно объединить, но нам важно было показать их отдельность, значимость.

Нет, Страхов-философ не весь такой интересный. Попадают и устаревшие, и примитивные страницы текстов. Книгу «Мир как целое» читать увлекательнее, нежели книгу «Об основных понятиях психологии и физиологии». Не анализируем мы уроки и самой незаурядной личности. Мы берем сейчас только философский аспект, хотя сам автор признавался, что изложение иногда может показаться утомительным учебной отчетливостью и связностью.

Полагаем, что философская система Страховым хотя и не была провозглашена как система, однако была создана. *Systemglaube ist Aberglaube*, — сказал Новалис (Системоверие есть суеверие). Философская система Страхова — это прежде всего система предостережений, утверждение путем отрицания. Философия Н. Н. Страхова предупреждает об опасных, тупиковых, невыигрышных путях мышления. Такой философией гораздо легче руководствоваться, нежели признавать ее системой, полем, законченным интеллектуальным корпусом, конструктом. И вместе с тем какое снайперское попадание в нашу действительность! И когда речь идет о гносеологической культуре нации, то именно мысли Н. Н. Страхова оказываются удивительно актуальными. Сопоставим это утверждение с этикой. Этика держится на десяти заповедях, и среди них есть заповеди-запреты (*Не убий. Не укради...*). Художественный эталон высочайшей культуры поведения преподнесен Пушкиным тоже как урок отрицания (*«Она была не тороплива, Не холодна, не говорлива, Без взора наглого для всех...»*).

Мы ничего не писали об изучении философа, а там немало критики. «Н. Н. Страхов был очень сильный аналитик, но лишь второстепенный синтетик», «К сожалению, развязку этой многоактной пьесы, уже вполне подготовленную, философ унес от нас с собою», — писал А. Введенский [Введенский 1897:23]. Э. Радлов отмечал: «...самое возникновение, само творчество ускользает от анализа. Приемов, с которыми в этом случае нужно приступать к делу, он не описал» [Радлов 1900]. Л. Р. Авдеева пишет о принципе теоретической терпимости [Авдеева 1992]. Мы же выделили десять краеугольных идей, которые равно нацелены на создание живой, действенной формы для жизни и мышления о ней.

Таким образом, во-первых, упрекать Н. Н. Страхова в отсутствии системы нецелесообразно. Во-вторых и в-главных, Н. Н. Страхов имеет самое прямое, непосредственное отношение к гносеологической культуре нашей нации, коль скоро следование его идеям способно уберечь от многих проблем.

Литература

Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1992. 196 с.

Басинский П. Лев в тени Льва. История любви и ненависти. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 509 с.

- Быков Д. Борис Пастернак. 11-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011. 893 с.
- Введенский А. Общий смысл философии Н. Н. Страхова. М.: Университетская типография, 1897. 25 с
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
- Гордон Т. Курс эффективного родителя. Как воспитать в детях чувство ответственности. М.: Ломоносовъ, 2010. 510 с.
- Гранин Д. А. Листопад // Звезда. 2008. № 2.
- Есин С. Дневник 2015 года [Электронный ресурс] / С. Есин. URL: http://lit.lib.ru/e/esin_s_n/text_02115.shtm
- Иванов А. // Новая газета во Владивостоке. 2018, №467, 15 ноября.
- Иванова М. О дефиците эмоций в современной словесности // Знамя. 2011. № 11. С. 3–5.
- Исупов К. Г. Русская философия смерти // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1994. С. 34–53.
- Красносельский С. Инженеры для наукоградов // Знание – сила. 2014. № 9. С. 96–103.
- Крышук Н. Бесконечность в кратком изложении // Звезда. 2015. № 1. С. 245–259.
- Максимов А. Дети как зеркало. Как подружиться с собственным ребенком, меняясь самому. СПб.: Питер, 2017. 288 с.
- Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 288 с.
- Поляков Ю. Желание быть русским // Москва. 2018. № 10. С. 163–216.
- Радлов Э. Л. Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1900. 23 с.
- Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: повесть, рассказы. М.: РАГС, 2009. 304 с. .
- Ришар Ж.-П. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Ин-тут психологии РАН, 1998. 232 с.
- Секацкий А. Отцеприимство // Нева. 2005. № 2. С. 203–211.
- Секацкий А. Не только о Швейцарии // Новый мир. 2015. № 4. С. 150–165.
- Соломатина Т. Роддом, или Неотложное состояние. М.: АСТ, 2016. 320 с.
- Спиридонов В. Достаточно уметь сомневаться // Наука и жизнь. 2014. № 5. С. 34–36.
- Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб., 1890.
- Страхов Н. Н. Мир как целое. Изд. 2-е. С. 518–520.
- Страхов Н. Н. Борьба в Западом в нашей литературе. Кн. 3.
- Страхов Н. Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1872. 505 с.
- Страхов Н. Н. Содержание жизни // Светоч. 1861. № 1.
- Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. Изд. 3-е. Киев, 1904. 238 с.
- Тарасевич Г. // Русский репортер. 2014. № 14. С. 21–28.
- Харченко В. К. Узлы коррекции ментального опыта в философии Н. Н. Страхова // Дух и время. Философско-культурологический альманах. Вып. II. 1998–1999. Белгород: Крестьянское дело, 2000. С. 27–35.
- Эпштейн М. Н. О философских чувствах и действиях // Знание – сила. 2014. № 4. С. 49–54.